

АНАТОЛИЙ АГАРКОВ

О чем молчала станица

... БЫВАЮТ МОМЕНТЫ В ИСТОРИИ, КОГДА
ОТЧАЯННАЯ БОРЬБА МАСС
ДАЖЕ ЗА БЕЗНАДЕЖНОЕ ДЕЛО
НЕОБХОДИМА ВО ИМЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО
ВОСПИТАНИЯ ЭТИХ МАСС
И ПОДГОТОВКИ ИХ К СЛЕДУЮЩЕЙ
БОРЬБЕ.

(В. ЛЕНИН)

Анатолий Агарков

О чем молчала станица

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30804977

ISBN 9785449060358

Аннотация

То ли реальные события, то ли нет – трудно сказать. Передается легенда из уст в уста, а исторические фолианты о ней молчат. Может была трагедия, может нет – за такие дела в те времена всю станицу на Соловки могли сослать. А кого бы и стенку подпирать поставили, и пулями прибили.... Всяко было. Мне думается, в каждом семейном шкафу недостатка в скелетах нет.

Содержание

О чём молчала станица	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

О чем молчала станица

Анатолий Агарков

© Анатолий Агарков, 2018

ISBN 978-5-4490-6035-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О чём молчала станица

*...бывают моменты в истории
когда отчаянная борьба масс даже за безнадежное
дело необходима во имя дальнейшего воспитания
этих масс и подготовки их к следующей борьбе.
(В. Ленин)*

Морозно в степи. В перелесках будто деревья греют, а на юру – совсем пропасть.

Возницы наглухо укутаны в бараньи лохматые тулупы. Седоки на пяти санях жмутся друг к дружке, зарываются в сено, прикрываясь сверху дерюжками. На последних – четверо.

– Лопатин, озяб? – ткнулся к нему в самое лицо заочневший Бондарев.

– Замёрз... аж до самых кишок! – прохрипел уныло Лопатин. – Приедем-то скоро али нет?

– Кто его знает, спросить надо приятеля-то. Эй, друг, – ткнул он в рыжую овчинную тушу, – жилье-то, скоро ли будет?

– Примёрзли?

– Холодно, брат. Село-то, скоро ли, спрашиваю?

– Станица, – поправил возница и сказал: – Вёрст семь надо быть, а то и двенадцать.

– Так делом-то сколько же?

– А столько же! – буркнул возница, тряхнув вожжами.

– Как ты станицу-то называл?

– Кичигинская будет...

Мужик деловито и строго скосил глаза на седоков, на торчащие из сена приклады винтовок, помолчал минуту и сообщил:

– Ничего, можно сказать, не останется – бор проедем, к ужину в Кичигинской, а в Увельскую с утра надо ехать.

– А сам ты как, из Николаевки? – выщупывал Бондарев.

– Из неё, откуда же ещё-то быть?

В тоне возницы послышалась словно обида: какого, дескать, рожна пустое брехать – раз в Николаевке снаряжали сани в обоз, известно, и владельцы их оттуда.

– Ну, отчего же, дядя? Может и кичигинский ты? – возразил было Бондарев.

– Держи туже – кичигинский....

И возница как-то насмешливо чмокнул и без надобности заворошил торопливо вожжами.

– Чтой-то, дядя, у тебя лошадки заморенные, а как с хлебом вертаться будем, до железки дотянут ли? – подначивал неугомонный Бондарев.

– Это у меня-то заморенные? – вдруг обиделся возница и молодецки вскинул вожжами, с гиком пустил коней целиком, обгоняя растянувшийся обоз, только снег завихрил, запустил в лицо. – Эй вы, черти! Н-но, родимые!.. Эге-гей! Нно-о!.. Соколики!

Мужика не узнать. Словно на скачках распалился он в заснеженном поле. И когда поутолив обиду, удержал разгорячившихся лошадок, повернул голову в высоком ворота, глухо заметил:

– Вот те и морёные.

– Лихо, брат, лихо, – порадовались его седоки.

Трофимову захотелось разузнать, как тут дела с Советами – крепки ли они, успешно ли работают.

– А чего ему не работать, известно.... Вот у казаков, там другое.

– У казаков? – и Лопатин на живое слово о политике кинулся, как кошка на сырое мясо.

– Так, а что же, раньше в старшинах да сотниках ходили, а теперь в Советах сидять те же богатеи. Никаких перемен нету. Мы же с ними с девятьсот пятого не в ладах.

Ты сам-то бунтовал? – выпростался из-под кошмы самый молоденький член отряда семнадцатилетний Гриша Богер.

– А как же, в ту пору все поднялись – и стар, и мал. Цельный месяц царя не признавали, да казачьё же нас потом и придавило.

Гриша, распахнув ворот гимназической шинели, сидел сбоку от облучка. Возница, обернувшись, отчётливо видел его раздумавшееся лицо и белую как у девушки, шею, его, немного наивный и простой, любопытный взгляд, прислушивался сквозь скрип полозьев к его ломающемуся голосу. Богер ему нравился.

– А что ж, дядя, за народ ваш такой, николаевский, откуда?

– Так, курские мы, откуда ж ещё. Ишо при Катьке нас сюда пригнали. Супротив царя наш брат пошёл, батрак да победнее которые. Казаки ж врагами были.

– Что ж, восстание у вас было? – встрял Лопехин.

– Да было, конечно. Филя Коссаковский да Иван Долган коноводили, а мы за ними. Всех казачьё похватало и угнало в каторги.

– А ты там был?

Возница угрюмо отмолчался, зло хлестнул коней.

Гриша Богер влез с вопросом:

– А ты в Кичигинской бывал, дядя?

– Бывал, а как же....

Уже в виду стоящего стеной векового бора мужики-возницы запосматривали косо на чёрные сочные облака, дымившиеся по омрачённому небу.

Ветер задул резкий и неопределённый – он рвал без направления, со всех сторон, словно атаковал невидимого врага, кидался на него с яростью цепного пса. И как пёс, отшвыриваемый пинком, гневно судорожно завывал и снова бросался на непрошенных гостей. По земле кружились, мчались и вертелись снежные вихрастые воронки, пути забило, наглухо запорошило снегом. И стонал вековой бор.

Обоз с трудом пробивался просекой. Всё настойчивее, всё крепче и резче ударял по бокам стервенеющий ветер, всё

чернее небо, круче и быстрее взвивались снежные хлопья, проникали во все щели, слепили глаза. Как в норы кроты, глубоко в тулупы зарылись возницы. Запорошило в санях седоков. От встречного ветра заходится дыхание лошадей, седым инеем запушило их морды, ноги и бока.

Долго ехали и словно заманивали за собою в бор бешеный степной буран, который и здесь разгулялся, будто буйный мужик в хмельном пиру – всё, мол, моё и что поломаю, за то ответ не держу!

Сумрачно, грозно, пугливо было в стонущем лесу – того и гляди лесиной придавит. Такого бурана, матерились возницы, не видали много лет. Не иначе, говорили, Бог наслал его за недобрые людские помыслы.

Въехали в Кичигинскую – большую просторную станицу с широко укатанными серебряными улицами. Малую деревеньку зима обернёт в берлогу – засыплет, закроет, снегами заметёт. А большому селу зимой только и покрасоваться.

Николаевские возницы поддали ходу и мчали для форсу на лёгкой рыси. Подкатили к Совету. Он, по общему правилу, на главной площади, в доме бывшего станичного Правления. Снежными комьями вывалились из саней, ступали робко на занемевшие ноги, по ступеням поднялись в помещение.

Совет как Совет – просторный, нескладный, неприятный, грязный и скучный. В городских учреждениях об эту пору никого уже не застанешь, а тут гляди-ка, что народу напольз-

ло, управившись с хозяйством, и метель нипочём. Притулившись к коричневой сальной стене, вертят сигарки, махорят, провонивают и без того несносный кислый воздух, жмутся по окнам, выцарапывают разное на обледенелых стёклах, похлопывают себя по бокам, войдя с мороза, вяло и будто невзначай перекидываются скучными фразами. Видно, что многие, большинство, может быть все – толпятся без дела: некуда деться, нечего делать – так и сошлись.

Увидев вошедших, повернулись дружно в их сторону, осмотрели, высказали разные соображения насчёт мороза, усталости, цели и причин, заставивших маяться людей в такую круговерть. Всё это крутым солёным мужским словом.

– Здорово, товарищи, – обратился командир отряда Фёдоров, задержавшийся чего-то на крыльце и входивший теперь последним.

– Здрав будь, – промычало несколько голосов.

– Председателя бы повидать.

– А вот сюда, – и указали на дверь в загородке.

Фёдоров прошёл.

Лопатин подвинул бесцеремонно сидевшего на подоконнике казачка в рваном засаленном тулупчике, закурил папиросу, молча дал закурить и тому.

Бочкарёв уже вклинился в толпу и вёл разговор, расспрашивал, сколько живёт в станице народу, как дела разные идут, довольны ли Советской властью – словом, с места в карьер.

Из загородки вышли трое, остановились, привлекая внимание.

Фёдоров спросил:

– Что ж, председатель, больше никого не покличешь?

Степенный станичный председатель Парфёнов откашлялся в кулак, заворачивая седеющую бороду, и сказал:

– Нет... никого. Потому, стало быть, что поздно и погода несуразная. Завтрева увидите.

И нахмутив брови, всё глядел на пол, на свои пимы, изредка украдкой посматривая на приезжих, словно пересчитывая.

– Ну, ладно, – бодро сказал Фёдоров, – тогда приступим, Мы, товарищи, рабочие из Челябинска, по нужде нашей крайней к вам.. Впрочем, чего там.... Читай.

Он кивнул писарю и отшатнулся назад.

Станичный писарь, а по-новому секретарь Совета, чухоточный человек с узким лицом и какими-то невидящими людей глазами, читал по бумажке, но из-за разговоров, кашлянья, шарканья о пол множества ног и вьюжного заывания за стеной и в печной трубе принуждён был бесконечно повторять прочитанное. Отчаявшись быть услышанным, он иногда, не глядя, разговаривал с председателем. Тот имел свойственный ему затаённо-угрюмый вид, держал шапку в руке, махал иногда ею на толпу, всё никак не смолкающую, и сердился:

– В хлеву что ль топчитесь? Слова сказать нельзя.

– Ты внятно объясняй, что к чему.

– Казаки! Господа! Тьфу, чёрт! Тише! – придушённо выкрикивал писарь и, кашляя, любопытно заглядывал в бумагу, как будто бы и не он её писал.

– Не булгачьте народ! – кричал кто-то.

Писарь снова читал, напрягая голос, добрался, наконец, до сути, и бессвязные, отрывочные фразы, долетавшие до сознания, как комья земли с лопаты, задавили шум, будто погребли покойника.

– ... мы, нижеподписавшиеся жители станицы Кичигинской сим постановляем... добровольно и безвозмездно... пудов хлеба... семьям рабочих... голодающим детям... Совета Парфёнов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.